

**СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ В КОНСТИТУЦИОННО-
ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕХАНИЗМЕ
ПОСТМОДЕРНИЗИРУЮЩЕГОСЯ ГОСУДАРСТВА
(СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ ОЧЕРК)**

Аннотация. В статье рассматривается роль судебной власти, в частности конституционной юстиции, в постмодернизирующемся обществе. Анализируется зарубежный опыт организации судебной власти и возможности его применения в России.

Ключевые слова: судебная власть, конституционно-политический механизм, конституционная юстиция, общегражданская юстиция, постмодернизирующееся государство, ветви юстиции.

Abstract. The article deals with the role of the courts, particularly constitutional courts, in the postmodernizing society. There is an analysis of foreign experience of the courts' organization and the possibility of its application to Russia.

Keywords: justice, constitutional and political mechanism, constitutional courts, courts of common justice, postmodernizing state, branches of justice.

Добросовестности и эффективности судебной власти уделяется должное внимание уже в древних обществах. Вспомним, например, законы Хаммурапи и законы Ману. При этом намечается использование в большей или меньшей степени двух альтернативных моделей организации судебной власти: с доминированием светского или религиозного начала. Даже в наиболее тщательно сконструированной правовой системе Древнего Рима первоначальные судебные функции отправляют жрецы (понтифики) и лишь впоследствии появляется вполне светская фигура претора. Для средневековой Европы характерно наличие нескольких параллельных систем права и судов, что отражает сословно-корпоративный характер средневекового общества. Лишь в модернизирующемся обществе происходит становление логичной и иерархичной системы, на которую тем не менее оказывают определенное влияние традиции прошлого: например, в Англии, где правовая модернизация шла эволюционным путем, эти традиции выражены сильнее, а во Франции, которая познала Великую французскую и серию последующих революций, разрыв с прошлым более значителен. Однако в модернизирующемся обществе система разделения властей только начинает складываться, и в ней первоначально лидирующую роль играет исполнительная и законодательная власть. Судебная власть длительное время рассматривается как продолжение или придаток власти исполнительной. Даже в США, где изначально формируется наиболее четкая схема разделения властей, судебной власти приходится бороться за «место под солнцем», пользуясь слабостью основных ветвей власти. Однако со временем приходит понимание достраивания судебной власти таким важным компонентом, как конституционная юстиция. Первоначально она утверждается в отдельных странах (прежде всего в США) в виде так называемой «рассеянной модели», когда каждый суд в пределах своей компетенции может проверять правовые нормы на степень соответствия конституции.

Однако только Верховный Суд США обладает в полном объеме конституционно-контрольными функциями при широком объеме дискреционных полномочий, что при расширительной трактовке Конституции делает его чрезвычайно влиятельным органом. Его несвязанность своими собственными решениями и включенность в партийную политику обуславливает немалую политическую конъюнктурность его действий. В деятельности суда можно обнаружить определенную цикличность, как и в состоянии самого американского общества, о котором упоминает А. М. Шлезингер [1]. Фазы консервативной и либеральной политики сменяли друг друга. Суд то придерживался активистской позиции, то переходил к судейской сдержанности; расширенное толкование Конституции чередовалось с ее оригиналистским толкованием. И вообще судейский субъективизм, видимо, в наибольшей степени присущ именно верховному судебному органу США, равно как субъективен отбор примерно 200 ежегодно заслушиваемых дел и субъективен, квалификационно нестрог сам процесс назначения судей.

По мере усложнения государственного управления и повышения общественной значимости конституционных прав граждан конституционная юстиция из незначительного феномена превращается в общераспространенный институт. Конституционные суды начинают заниматься не только проверкой (в больших, чем до Второй мировой войны, пределах) конституционности законов, но и выполнять функции избирательных судов, иногда проверять конституционность существования политических партий, разрешать споры между высшими органами государственной власти по поводу их компетенции, споры между федерацией и субъектами федерации [2, с. 22].

По состоянию на 1960-е гг. конституционный контроль был предусмотрен конституциями или фактически применялся в 80 зарубежных государствах [3]. Он распространился не только в Западной Европе и Латинской Америке, но и в ряде стран Африки, а в 1990-е гг. затронул Восточную Европу.

В Европе и других странах преимущественное развитие получает централизованная модель во главе со специализированным судебным органом. Например, во Франции это конституционный совет, формируемый на паритетных началах президентом и председателями обеих палат парламента в количестве девяти человек на девятилетний срок. Наличие в составе конституционного совета бывших президентов Франции – это своеобразная уступка прошлому режиму при переходе от IV к V Республике, и ныне некоторыми специалистами она оспаривается.

В Италии орган конституционной юстиции – конституционный суд – также создается не сразу после Второй мировой войны (первые дела рассмотрены в 1956 г.). Формируемый высшими судами, парламентом и президентом в составе 15 членов, он является особенно необходимой консолидирующей структурой в условиях нестабильной политической системы.

В Германии высший конституционный суд имеет особенность: он состоит из двух сенатов (восемь человек в каждом). В выборах судей участвуют на паритетных началах бундестаг и бундесрат, а президент страны лишь утверждает этот выбор. Состав суда подбирается с большей тщательностью, чем, скажем, состав конституционного совета во Франции.

В страны Латинской Америки институт конституционного контроля проникает с XIX в. Здесь американское конституционно-правовое влияние своеобразным образом накладывается на следование европейской правовой

традиции в законодательстве. Так, в Мексике широко известная англосаксонская процедура *habeas corpus* преобразуется «в процедуру *амраго*, предназначенную для защиты конституционных прав и свобод... Эта процедура позволяет любому лицу получить защиту своих конституционных прав в федеральном суде, если они нарушены каким-либо административным либо судебным актом» [2, с. 17]. В отличие от процедуры *habeas corpus* процедура *амраго* не сводится к защите только физической свободы. И в этом смысле следует сказать, что латиноамериканская конституционная юстиция при всей ее генетической близости к американской, видимо, представляет отдельный тип юстиции – иберийский [4].

В России конституционный суд сформирован в соответствии с европейской моделью: в его состав входят 19 членов, которым, например, в отличие от членов Верховного Суда США предъявляются определенные возрастные и квалификационные требования (стаж юридической работы не менее 15 лет). Достаточно оригинальным положением является функционирование суда как в составе двух палат, так и в пленарном заседании (для рассмотрения особо важных вопросов). Суд рассматривает дела как по запросам высших органов власти (президента, правительства, обеих палат российского парламента, законодательных собраний субъектов РФ, высших судов РФ), так и в связи с обращениями граждан (за 10 лет таковых было свыше 3000) [5]. Для судей существует возможность высказывания особых мнений.

По мере развития процессов постмодернизации на рубеже XX–XXI вв. конституционные суды расширяют свои полномочия и становятся своеобразным локомотивом для судебных систем в разных странах. Сами судебные системы имеют различную структуру (от наиболее сложного дифференцированного варианта в Германии до упрощенной схемы судопроизводства в Скандинавских странах). Дело здесь не только в размерах территории и численности населения соответствующих государств, но и в тех или иных государственно-политических традициях и правовой культуре. Например, во Франции долгое время придерживались следующей формулировки: «верь только законодателю и остерегайся судей, ибо они извращают действующие законы (кодексы)». В Англии исходили из другого постулата: «верь только судьям, ибо только они являются истинными стражами права и правопорядка». В Германии же с ее длительными традициями правового сепаратизма и яростными спорами теоретиков прав друг с другом приоритет получило высказывание, согласно которому следовало верить «только образованным юристам, ибо только они способны быть настоящими проводниками во всех хитросплетениях... права» [6].

Германская схема чрезвычайно дифференцированной юстиции с пятью ветвями судов – это дань государственному духу немецкой нации и вместе с тем результат трудной и поздней консолидации немецкого государства, прошедшего сложный путь от объединенной монархии Бисмарка через Веймарскую республику и фашистский тоталитаризм к федеративной республике, созданной «сверху».

Скандинавская упрощенная модель, где существует не более трех звеньев в судебной системе, – это, с одной стороны, свидетельство низкой конфликтности скандинавского общества, где социальные силы умеют договариваться, а с другой – результат достаточно простых коммуникационных связей в социуме.

В Швеции, к примеру, на 8,5 млн человек населения приходится 95 окружных (городских и муниципальных) судов, в которых дела рассматриваются коллегиально шестью провинциальными апелляционными судами, функционирующими также коллегиально, и верховным судом в составе 16 судей, в котором дела подсудны коллегии из пяти членов. Специальные суды (за исключением особой ветви административной юстиции) не представляют собой каких-либо особых органов, а фактически являются теми же общегражданскими судами, но в особом составе.

Отличительной чертой судебной системы Норвегии является наличие компромисса в досудебном разбирательстве по гражданским искам. Общегражданская юстиция при населении 4,4 млн человек имеет почти ту же конфигурацию: 99 окружных судов, шесть апелляционных и трехпалатный верховный суд. Причем одна из палат занимается преимущественно научно-аналитической деятельностью, подготовкой публичных выступлений, а также отбором дел к слушанию для двух других палат. Еще одной особенностью является отсутствие в Норвегии ветви административной юстиции [7].

Для Дании с ее 5,3 млн человек свойственна все та же трехзвенная судебная система: 82 городских, два апелляционных суда и верховный суд. Широко распространена практика уплаты обвиняемым штрафа до суда над ним, исключая процедуру судебного разбирательства и вынесения приговора. Еще одной рациональной особенностью, облегчающей функционирование судебной системы в условиях небольшой страны с законопослушным населением, является то, что «судебные решения и приговоры, вынесенные датскими судами, могут быть обжалованы, как правило, только один раз. При этом в вышестоящей инстанции дело, по существу, рассматривается заново» [8].

В то время как Финляндия ввиду исторически сложившейся системы судебных органов не представляет интереса для институциональных заимствований, ее уникальной особенностью, достойной подражанию, является наделение контрольными функциями над судебским корпусом юридического уполномоченного парламента и канцлера юстиции, назначаемого президентом пожизненно, которые вправе привлечь судью-нарушителя к уголовной ответственности. Подобное право контроля, как справедливо отмечают скандинавские юристы в ответ на критику из-за рубежа, не нарушает принципа формально-организационной независимости судебной власти, а просто делает ее более ответственной и подотчетной обществу [9].

Традиции прошлого довлеют и над судебными системами других ведущих стран.

В Англии, по сути, нет судебной системы общегражданских судов, в ней представлена параллельно дополняющая уголовно-гражданская юстиция.

Во Франции система общегражданской юстиции построена более строго и логично. Здесь уголовные и гражданские дела рассматривают, по сути, одни и те же суды, за исключением единственного звена – 99 судов-ассизов, созданных для рассмотрения наиболее сложных уголовных дел в составе трех судей и девяти присяжных. На приговоры данных судов невозможно подать апелляцию, имеется только возможность представить петицию в высшую судебную инстанцию страны по вопросам применения права. Зато здесь наиболее четко выражен дуализм судебной системы, где почти равноправную нагрузку несут общегражданская и административная юстиция. Последняя уходит своими корнями в средневековую дореволюционную Францию. В то же

время после Великой французской революции, в начале XIX в., государственный совет и советы префектур приобретают судебные функции. С XIX в. существование особого административного права базируется на понятии публичной службы, действующей во имя всеобщего интереса. При этом в последние годы отказываются от жесткого противопоставления административных служб и коммерческой деятельности, допуская, что коммерческая организация может оказывать публичные услуги или что их может осуществлять публично-частное партнерство [10]. Таким образом, объективно возрастает значимость административной юстиции в лице ее 36 административных трибуналов, шести административных апелляционных судов и государственного совета как вершины административной судебной пирамиды¹.

Для США изначально характерен плюрализм систем права и судебных систем, завязанный на двух уровнях – федеральном и штатном. Это создает серьезные проблемы с подсудностью и необходимостью координации деятельности судов. Выручает в данном случае американцев возможность широкого толкования конституции, что отчасти гармонизирует конфликт не только между двумя уровнями судебных органов, но и между статутным и прецедентным правом.

В России модернизация судебной системы осуществлялась достаточно медленно. Реформы Петра I создали новые виды судов и попытались подчинить их власти сената. Однако в дальнейшем централизаторский импульс не получил развития, и даже в пореформенное время окончательной централизации судебной системы так и не произошло. Зато в советское время получила развитие суперцентрализация, когда систему общегражданских судов лишь частично достраивали военные и арбитражные суды. В нынешнем своем виде система обогатилась благодаря укреплению арбитражных судов и экспериментам с конституционно-уставными судами, которые, как нам представляется, являются ненужным звеном и не получают своего дальнейшего развития. В то же время централизующе-координирующую роль способен выполнить созданный в 1991 г. Конституционный суд РФ, который для своей эффективной работы вовсе не нуждается в наличии какого-либо подчиненного суда в лице конституционных судов субъектов РФ. Хотя в 56 субъектах РФ конституциями (уставами) предусматривается возможность сформировать подобные суды, по данным на начало 2006 г., они реально действуют лишь в 14 субъектах Федерации [11], причем имеют разную организационную структуру [12].

Сторонники повсеместного создания конституционных (уставных) судов в субъектах РФ полагают, что власти не спешат с кардинальным решением данного вопроса, потому что они опасаются, что эти суды «окажутся легальным прикрытием регионального сепаратизма» [13].

Выдвигается множество предложений, как усовершенствовать российскую судебную систему, в частности раздаются голоса сторонников организации административной юстиции. Звучат «требования о создании особых, ювенальных, судов, а также трудовых и налоговых судебных органов. Однако все эти предложения по большей части исходят из чисто внешнего подражания зарубежному опыту при отсутствии анализа генезиса этого опыта и его

¹ На фоне этих цифр общегражданская юстиция выглядит намного солиднее. В стране действует 3300 мировых судов, 470 трибуналов малой инстанции и 181 трибунал большой инстанции, 30 апелляционных судов во главе с Кассационным судом.

приемлемости для России. Между тем повторимся: административная юстиция французского образца – это явление, логично адаптированное к французской государственной модели, обособление государственной власти, которая сама же себя и проверяет с помощью специализированных судебных органов. Использование ювенальных судов практикуется не в одной стране, однако что-либо позитивного об этом опыте сказать трудно. По-видимому, такие суды нужны, но не в виде отдельной судебной ветви, а в лице специализированных палат в рамках общегражданских судов, начиная с судов определенного уровня (например, судов субъектов РФ).

Определенное внимание заслуживает мировая юстиция. Ее учреждение – это шаг в правильном направлении, соответствующий общемировой тенденции повышения доступности судов для населения. Например, во Франции мировые суды были вначале упразднены, а затем установлены согласно закону 2005 г. Создание доступных судов должно завершиться в 2008 г. Они должны состоять из судебных работников на пенсии или бывших юристов.

Вообще, нагрузка на суды в различных странах мира весьма неодинакова. Есть благополучные европейские страны, где на одного судью приходится 150–300 дел в год. В странах же Латинской Америки судьям приходится рассматривать по несколько тысяч дел в год.

Неоднозначным является и участие непрофессионалов в судебных процедурах в лице присяжных заседателей. Этот механизм относится к раннему средневековью, однако наиболее четкое развитие он получает в Англии, а затем в США. Однако, если Англия существенно ограничила его использование уже в первом десятилетии XX в., то для США институт присяжных является частью конституционно-политической традиции и даже американской идеологии. О степени демократичности тех или иных государств американцы пытаются судить, исходя из наличия или отсутствия этого института, хотя на самом деле он не может являться индикатором демократизма, а, скорее, представляет собой специфичное, чисто американское явление. В нашей стране с участием присяжных рассматривается чуть более шестисот дел в год (т.е. сотая доля процента), и это число следует признать оптимальным, поскольку в специфических условиях России нельзя гарантировать отсутствие давления на присяжных как со стороны преступного мира, так и со стороны бюрократии.

Еще одна немаловажная проблема – единообразие правосудия. К сожалению, у нас в стране общегражданские и арбитражные суды используют различные процедуры, касается ли это вопроса о сочетании единоличного и коллегиального подхода к рассмотрению дел, правил разрешения коллизий между Конституцией и федеральными законами, участия прокурора в процессе или правил вступления решений судов в законную силу, постановлений в порядке надзора и т.д. [14].

В целом российская судебная система, обслуживаемая свыше 23 тыс. федеральных судей, достаточна по своим параметрам с ее 2479 районными и 89 областными судами, возглавляемыми Верховным Судом РФ. 6,5 тысяч судебных участков мировых судей максимально приближены к населению¹. И в то же время возникают вопросы по поводу разбухания системы арбитражных судов, имеющей громоздкую четырехзвенную структуру: спрашива-

¹ Данные по состоянию на 1 января 2005 г.

ется, нужны ли занимающие в этой структуре срединное положение 20 апелляционных судов и 10 окружных арбитражных судов при 89 судах первой инстанции в субъектах РФ и Высшем арбитражном суде?!

Список литературы

1. **Шлезингер, А. М.** Циклы американской истории / А. М. Шлезингер. – М., 1992.
2. Конституционный контроль в зарубежных странах /отв. ред. В. В. Маклаков. – М., 2007.
3. **Нудель, М. А.** Конституционный контроль в капиталистических государствах / М. А. Нудель. – М., 1968. – С. 5, 16–34.
4. **Клишас, А. А.** Конституционный контроль и конституционное правосудие зарубежных стран. Сравнительно-правовое исследование / А. А. Клишас. – М., 2007. – С. 225, 217.
5. **Руднев, В.** Первый среди равных / В. Руднев // Российская юстиция. – 2001. – № 10.
6. **Марченко, М. Н.** Судебное правотворчество и судебское право / М. Н. Марченко. – М., 2006. – С. 230.
7. Legal Systems of the World Apolitical, Social and Cultural Encyclopedia / Ed. Н. М. Kritzer. – N.Y., 1983. – Vol. III. – P. 1213–1214.
8. Правовые системы стран мира : энциклопедический справочник / отв. ред. А. Ю. Сухарев. – М., 2003. – С. 194.
9. **Могунова, М. А.** Государственное право в Финляндии / М. А. Могунова. – М., 2005. – С. 301–302.
10. **Талапина, Э. В.** Административное право Франции сегодня / Э. В. Талапина // Ежегодник сравнительного правоведения. 2004 год. – М., 2005. – С. 138–142.
11. **Витрук, Н. В.** Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс / Н. В. Витрук. – М., 2005. – С. 465–467.
12. **Харитонова, Н. Н.** Модели судебного конституционного контроля и опыт Российской Федерации / Н. Н. Харитонова // Право и политика. – 2005. – № 10. – С. 56–58.
13. **Кокотова, А. Н.** Проблемы совершенствования региональной конституционной юстиции / А. Н. Кокотова // Конституции России 10 лет: опыт реализации : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Тюмень, 2003. – С. 117.
14. **Жуйков, В. М.** Судебная реформа: проблемы доступа к правосудию / В. М. Жуйков // Судебная реформа в прошлом и настоящем. – М., 2007. – С. 26–28.

Саломатин Алексей Юрьевич

доктор юридических наук,
доктор исторических наук,
профессор, заведующий кафедрой
политологии и основ права,
руководитель Центра сравнительного
правоведения и социально-правового
мониторинга Пензенского
государственного университета,
действительный член
Академии политической науки

Salomatin Alexey Yurievich

Doctor of Laws, Doctor of History,
professor, head of sub-department
of political science and basic law,
director of the Centre of comparative
jurisprudence and social-judicial
monitoring in Penza State University,
fellow of the Political science Academy

УДК 340.1;321.01

Саломатин, А. Ю.

Судебная власть в конституционно-политическом механизме пост-модернизирующегося государства (сравнительно-правовой очерк) /
А. Ю. Саломатин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2009. – № 1 (9). – С. 78–85.